

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

ПРОДОЛЖЕНИЕ САМОЙ ИЗВЕСТНОЙ КНИГИ НУЛЕВЫХ

МЕТРО 2035

ХОЧЕШЬ ПРАВДУ?

Книжки
15
18+

act

МЕТРО 2035

МЕТРО 2034

МЕТРО 2033

18+

НАШЕ ПРАВО
MAXIM
МАКСИМУМ ВЕЩЕЙ
ЖУРНАЛ
РУССКИЙ РЕПОРТЕР

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

ДЕНИС ШАБАЛОВ

**МЕТРО 2033:
ПРАВО
НА МЕСТЬ**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш12

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи — Дмитрий Глуховский
Главный редактор проекта — Вячеслав Бакулин

*Оформление обложки — Илья Яцкевич
Карта — Леонид Добкач*

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Шабалов, Денис Владимирович

Ш12 Метро 2033: Право на месть: [фантастический роман] / Денис Шабалов. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Вселенная метро 2033)

ISBN 978-5-17-103520-4

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского — культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж — полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Он выжил и вернулся домой. Но кто встретил его? Пустота. Тишина. Смерть. Долгой была дорога, но путь его не закончен. Тот, у кого нет дома, кого лишили семьи и друзей — свободен для войны. У Данила Добрынина ни дома ни семьи больше не было. У него отныне не было ничего...

Но была цель.

Цель, которую нужно достичь во что бы то ни стало.

**УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-17-103520-4

© Д.А. Глуховский, 2017
© Д.В. Шабалов, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ЧТО ПРАВИТ МИРОМ

Объяснительная записка Вадима Чекунова

Наверное, каждому из нас раз в жизни да хотелось если не прибить кого-нибудь насмерть, то хотя бы в морду дать или «небо в алмазах» показать, чтобы жизнь медом не казалась. В таких желаниях ничего плохого нет. Это наши инстинкты и рефлексy, заложенные природой. На нас нападают, наносят ущерб — мы вступаем в борьбу. Но это, как вы понимаете, вовсе не месть. Это так называемая «ответка». Ее цель проста: оградить себя от дальнейших «наездов». Это всего лишь элемент сдерживания врага.

Нельзя назвать мезтью и реакцию на конфликт, например, во дворе. Расчистили снег для авто, сходили отнести лопату, вернулись — а уже какой-то умник загнал свое корыто на ваш «пяточок» и ушел, довольно по-свистывая. Ну как тут не спустить негодяю все четыре колеса, да не нацарапать несколько коротких, но емких слов на капоте. Но это импульсивное, деструктивное действие. Мелкое, какими бы сильными обида, возмущение и жажда справедливости нам не казались.

Мезть — намного сложнее по своей природе. Свое начало она берет с древнейших времен, с тех самых, когда едва забрезжил рассвет человечества, и она напрямую связана с самым сокровенным, что хранит каждый из нас в своем сердце. Она стала возможна лишь когда у наших предков появились понятия «семья», «любовь», «честь», «родина», «друзья», «идеал». Психологи утверждают, что мезть зиждется на злости, обиде и ненависти. Но на самом деле это совершенная ерунда. Быть может, на поверхности и мелькают сполохи этих чувств, но далеко с таким «багажом» не уедешь. Тогда что же там, в глубине, в самой сути мести? Почему она так завораживает?

О мести слов сказано немало — в преданиях, песнях, книгах, фильмах... Больше рассказано лишь о любви. Неудивительно, ведь эти понятия тесно

связаны. Мечь — устоявшееся явление в человеческой культуре. Мало того, еще и романтизированное. А какою-либо низость, как известно, воспевать не будут.

Из повести «О разорении Рязани Батыем» нам известно о воеводе Евпатии Коловрате. Когда он узнал о захвате татарами родной Рязани, помчался из Чернигова на спасение города и семьи, но застал лишь пепелище. Тогда Евпатий собрал отряд числом менее двух тысяч человек и нагнал огромное вражеское войско в суздальской земле. Бросился в яростную атаку, смял неприятеля, посеял панику и смерть в его рядах. Зарубил и выставленного против него татарского богатыря Товрула, ханского шурина, рассек его до самого седла. И до самого Батю добрался бы, но погиб от камнететных машин — иным способом справиться с ним враги не смогли.

На другом континенте, в другое время, предводитель апачей Джеронимо, после того, как взвод мексиканцев напал на индейцев и практически истребил их лагерь — в числе погибших были мать, молодая жена и трое детей Джеронимо, — стал настоящим кошмаром для «белоглазых», как называли чужаков индейцы. Он убивал их всюду, где встречал, без раздумий и жалости. Одного имени его, выкрикнутого, хватало, чтобы все начинали выпрыгивать из окон домов и бежать наутек. С кличем «Джеронимо!» прыгают американские десантники в наши дни, отдавая дань легендарной мстительности вождя.

В наши дни Цзя Цинлун, простой крестьянин из деревушки на севере Китая, лишился своего дома, попавшего под плановый снос. Отказался покидать его, но полиция вытащила бедолагу на улицу, на глазах соседней избил, а дом разрушили рабочие. В квартиру в многоэтажке униженный крестьянин въезжать отказался. Ко всем бедам прибавилась и сорванная свадьба — родня невесты отказалась отдавать ее за растоптанного местной властью бездомного. Долгих два года Цзя Цинлун вынашивал план мести, пока не застрелил из переделанного гвоздомета чиновника, виновного в его унижении. Высшую меру наказания, определенную китайским судом за нападение на официальное лицо, он принял равнодушно.

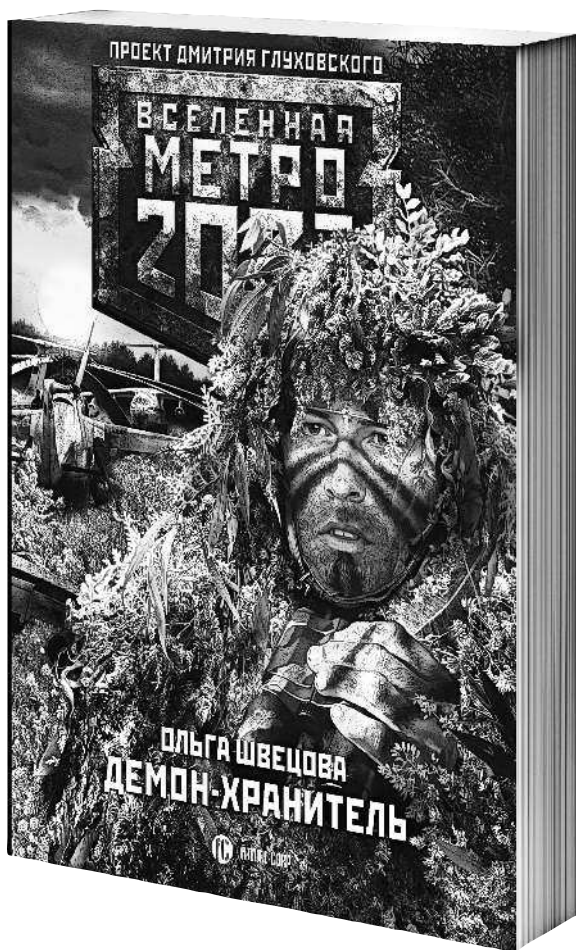
Архитектор Виталий Калоев, потеряв по вине диспетчера в авиакатастрофе жену, сына и дочь, поехал в чужую страну и разыскал виновного. И после неудавшейся попытки разговора убил нераскаившегося работника на пороге его дома.

Что двигало этими людьми в их стремлении отомстить? Неужели именно ненависть, то самое «интенсивное, длительное, отрицательно окрашенное деструктивное чувство», как определяют ее словари? Нет, конечно.

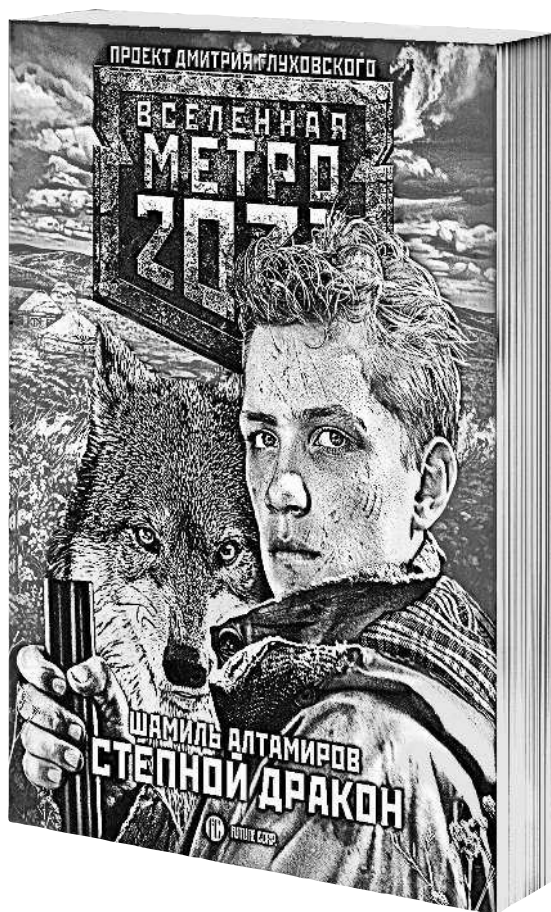
В основе праведной мести всегда лежит любовь. К родине, к семье, к дому, ко всему, что нам дороже всего на свете. И вот когда этого нас пытаются лишить, мы обретаем право и на силу, и на мечь. Возможно, нам не вернуть того, что мы потеряли. Но во имя любви к утраченному мы обязаны действовать.

Не ненависть правит миром, а любовь.

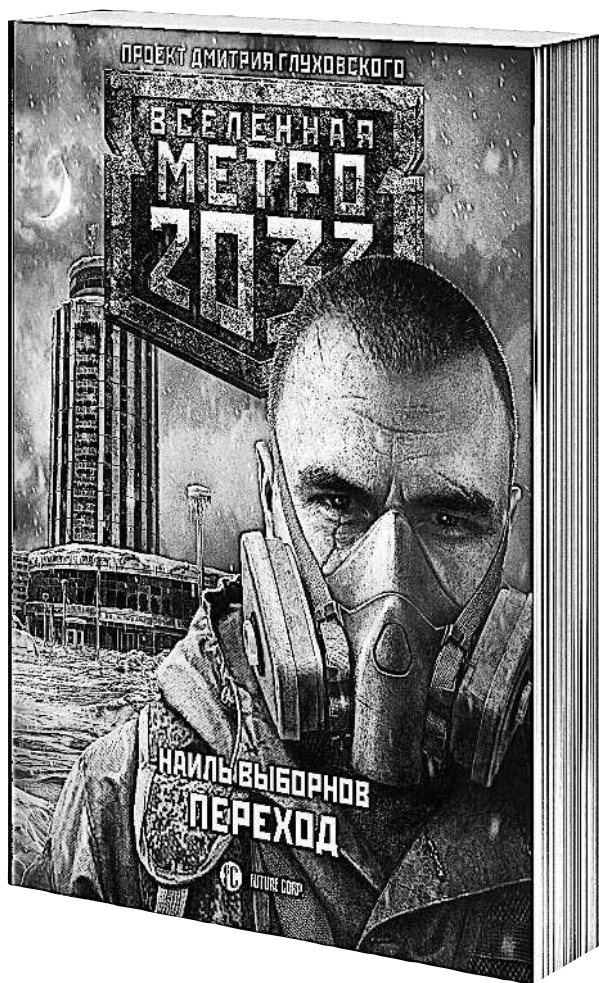
А любовь нужно защищать.

В мире после Великой Катастрофы все реже встречаются ангелы, а вот в их антиподах нехватки нет. Найденный в подмосковном лесу чужак — тоже не исключение из правил. Он хитер, дерзок, жесток, бесстрашен и почти аморален. Он ни в грош не ставит человеческую жизнь и способен на все ради достижения своей цели. К тому же, бывшему Привратнику Алексею Колмогорову нечего терять — он уже ступил в долину смертной тени и не боится зла. Впрочем, не потому ли, что он сам — зло? Но отчего тогда за спиной этого демона-хранителя становится спокойнее и исчезает страх?

Испокон веков по просторам степи ходила страшная легенда о древнем проклятии — чудовищном драконе Айдахаре, сеющем зло и страдания. И вот теперь это страшное имя вновь звучит на земле, опаленной Последней Войной. Ревет атомное сердце, брызжет обжигающей свинцовой кровью, скрежещет сталью чешуя огромного лязгающего тела. И исчезают одно за другим поселения выживших. Но нашлись двое смельчаков, которые не утрашили зла и отправились в погоню за чудовищем через пыльное раздолье и заброшенные города Казахстана. Один — в поисках отмщения, другой — ради спасения единственного родного человека...

Пока в Казани речи сладкоголосых джинов сплетаются в узоры, в Набережных Челнах свистят пули и льется кровь. Война здесь так и не закончилась, и будет идти, пока есть, что делить. Неважно что: еду, патроны, чистый воздух и жизненное пространство в немногочисленных убежищах. И даже если ты отказался от того, чтобы считать себя человеком, тебя найдут и заставят участвовать в своих игрищах.

То, что предназначено, в любом случае случится. Ведь от судьбы не убежать, не спрятаться в подземном бункере. Отсидеться не удастся. Остается только выбрать сторону.

Все началось, как всегда. Разумеется, они хотели помочь. Разумеется, верили в свои силы, свой ум, свою великую миссию — и в свое право вершить чужие судьбы. Ведь что может быть важнее после ядерного Апокалипсиса, чем подарить человечеству возможность подняться из тесных бункеров и убежищ к солнцу? Не бояться радиации, свободно дышать отравленным воздухом? Вернуться в свои покинутые дома? Тем более, что ничего особенного и делать-то не пришлось — нужно было всего-навсего активировать уже существующий ген, тысячами спавший внутри генома человека.

Как всегда, они ошиблись. Путь назад, к цивилизации и к прежней жизни, вел по краю пропасти. Той самой, куда так легко сорваться, утянув за собой остатки выживших в Последней Войне...

ПРОЛОГ

Домой.

Две тысячи километров. Два месяца пути. Два месяца одиночества. Все время один — с кем поделиться, кому поведать тот страх, что гложет тебя изнутри? Днем еще терпимо — мозг следит за дорогой, маршрутом, опасностями, что подстерегают на каждом шагу, насторожен по-звериному, напряжен — и это гонит иные мысли прочь. Но ночью... Долгими ночами все мысли были заняты только одним — домом. Семей. Убежищем.

Тяжело.

Так тяжело, что и заклятому врагу не пожелаешь. Страшная судьба — потерять разом всех, кто тебе так дорог, всех, кто окружал тебя всю твою сознательную жизнь, с кем ты делил печали и радости, надежды и разочарования... Те ночи слились для него в одно темное кошмарное пятно — и Добрынин знал, что только надежда удержала его на краю черной пропасти безумия.

Надежда — и жажда мести.

Известие о том, что полковник оказался предателем, выбила землю из-под ног, оглушила его. Наставник, второй человек после деда, тот, кому он свято верил и на кого полагался, может быть, больше всего на свете — оказался гнидой. И за этим страшным фактом поначалу скрылся другой — тот, что Паук, убийца отца, остался жив.

Дела давно минувших дней забываются. Тем более — если сам не присутствовал при том, а лишь ощущаешь всю свою жизнь отголоски произошедшего. Но Данил не мог забыть. Он помнил свои детские страхи, пом-

нил сны, в которых к нему снова и снова приходил сержант Паутиков. Он помнил свою ненависть. Подернувшись тонким слоем пепла, угли лежали где-то в самой глубине его души... но стоило лишь бросить хвороста — и огонь проснулся.

Тот, у кого нет дома, тот, кого лишили семьи и друзей — свободен для войны. У Добрынина ни дома ни семьи больше не было. Не было и боевого товарища — он остался лежать там, на поле боя, со взрезанным от уха до уха горлом. И это тоже настойчиво требовало ответа.

У него отныне не было ничего...

Но была цель.

Цель, которую нужно достичь во что бы то ни стало.

ДЕНИС ШАБАЛОВ

ГЛАВА 1

ДОМ

Дождь лил пятые сутки.

Первые два дня он мешал, раздражая своей унылостью и назойливостью, потом Добрынин привык, притерпелся, — а сегодня был ему даже рад. Эта осенняя дождливая серость, установившаяся за окном, точь-в-точь соответствовала его настроению, еще больше вгоняя в ступор и черную меланхолию. Заниматься чем бы то ни было не хотелось совершенно. Хотелось сидеть и тупо пялиться за окно — на косые струи дождя, барабанившие по подоконнику, на свинцовую муть, обложившую небо до горизонта, на капли, стекающие по стеклу... Он и сидел. Погода навевала апатию и, подчиняясь ей, так же вяло, словно снулая рыба, выброшенная на берег, текли его мысли.

Отсюда, с пятого этажа, окраина города лежала как на ладони. Дом стоял чуть поодаль от остальных строений, да и строений-то тех осталось... С востока кварталы частного сектора — развалюхи домов, бань да сараюшек; с запада те же развалюхи, но только уже громоздкие серые коробки трехэтажек; с юга бывшая лётная часть, расформированная лет за пятнадцать до Начала, в лихие девяностые, а с севера — чистое поле вплоть до разрушенного моста, где когда-то несколько дней простоял бронепоезд. Вроде и недавно это было, в начале лета — а, кажется, времени минуло не три месяца, а года три как минимум. Эх, знать бы тогда... Развернули бы с Губой башню — да в упор и вдарили. Бронебойным. И пока охрана не опомнилась — на таран его, на таран! Ударить, опрокидывая вагоны под откос, смять — а потом расстреливать из башенного пулемета все что дви-

жется, давить этих мелких ублюдков, в ужасе бегающих вокруг, плющить, наматывая кишки на траки, пока ни единого в живых не останется!..

Эх, да что теперь говорить...

Добрынин судорожно вздохнул, поежился, сжав лицо в ладонях, потер щеки. Прохладно. А он еще и дверь балконную открыл.. Вроде бы и осень только-только в свои права входит, середина сентября — а на улице градусов пятнадцать, вряд ли больше. Хотя — и сидит-то он в одном только стареньком комке. Во внешние комнаты вентиляцию они с Санькой не вели, только во внутренние. Да и зачем тут вентиляция.. Стекла уцелели только в двух комнатах по периметру этажа, во всех остальных расколочены, и для ветра раздолье и для радиации. Хотя, надо признать, фонило тут слабо, редко когда до двух рентген поднималось. А в дождь и того меньше — пыли-то нет. Данил вяло пошевелился, протянул руку, поднял с пола пощелкивающий иногда дозиметр — так и есть. Полрентгена. Делов-то... Ничего, можно и без защиты посидеть. Почувствовать ветер на лице, капли дождя, летящие в открытую фрамугу..

Раньше он как-то не замечал неудобств. Не понимал, каково это — все время в комбинезоне и противогазе, закупоренным, дышать мертвым фильтрованным воздухом. Это было обыденной необходимостью, нормой. Старое поколение приняло новые правила, сжилось с ними, а молодое так и вовсе не знало других норм поведения. В голове не укладывалось, как это можно на поверхности без защиты находиться.

Поход на север перевернул все его представления. Оказалось, что это вовсе даже не норма, а тяжкая необходимость. Бремя. Половину жизни он провел в ОЗК — и отвык от его тесного и муторного плена всего лишь за две недели. Хорошо еще, что уник, боевой трофей, в этом отношении был куда как удобней. Внутри его панциря создавался свой микроклимат, ткань каким-то непостижимым образом дышала, не пропуская радиоактивную пыль, и оставаться в нем можно было сколь угодно долго, не испытывая при этом неудобств. Не будь комбинезон так удобен, Добрынин вряд ли смог бы пройти две тысячи километров и вернуться домой, потратив на это чуть больше двух месяцев. Конечно, без энергоподпитки функционал его был куцым — но для его нынешнего носителя уже одно только это его свойство было неслыханным подарком, не говоря уж о прочих достоинствах.

Место, где напарники когда-то тысячу лет назад устроили свой схрон, было подобрано со вкусом и разборчивостью. Еще тогда, в первом долгом рейде, когда пришла в голову мысль оборудовать свое личное убежище, он принялся обдумывать, какие же требования должны предъявляться к подобному жилищу.

Во-первых — скрытность от посторонних глаз. Значит — это либо подвал, либо — наоборот, открытая всем взглядам точка. К примеру — квартира в любом многоэтажном доме где-то на окраине. Не зря ведь говорят: хочешь что-то хорошенько спрятать — положи на видное место. Под это требование как нельзя лучше подошло пятиэтажное здание, стоящее чуть на отшибе, на окраине города.

Во-вторых — быстрый и безопасный подход, вдали от крупных гнездовых мутировавшего зверья. Правда, пришлось следить и принимать превентивные меры, если такие обнаруживались вблизи — но тут уж деваться некуда, безопасность того требовала.

В-третьих — достаточно просторное помещение, чтобы вместить минимум десять человек. И это условие выполнить удалось — они просто забрали под схрон весь верхний этаж. Те комнаты, что выходили внутрь дома и не имели окон — коридоры, лестничные клетки, прихожие, — переоборудовали под жилые, а внешние оставили как есть, устроив в них наблюдательные посты. Прodelали проходы в стенах из комнаты в комнату таким образом, чтобы можно было обойти по периметру внутри весь этаж — и получили круговой обзор местности.

В-четвертых — оборонопригодность. Даже один человек должен был иметь возможность сдерживать нападающих неопределенно долгое время. С этим было легче всего. Вход оставили только один, в среднем подъезде, соседние завалили всяким хламом, натаскав с окрестных улиц ржавого металлолома и забив лестничные пролеты до третьего этажа. А еще Санька ухитрился добыть несколько семечек одуванов и высадить на улице у дверей. Это, пожалуй, было понадежней чем завалы — эти растения боялось даже зверье. Научено горьким опытом. Конечно, от суровых мер, вроде капсулы РПО или снаряда РПГ в окно, эти предосторожности не спасали — но от подобных напастей только заглубленный бункер спасет, а подземелья ребятам, познавшим все прелести поверхности, надоели хуже горькой редьки.

Ну и напоследок — путь отхода. Под него приспособили трубу мусоропровода, достаточно обширную даже для широкоплечего Данила. Вывели внутрь трос, зачистили подвальное помещение, убрав кучи сгнившего до серой трухи мусора, и эвакуационный путь стал — загляденье. Он выводил в подвал, откуда по бетонной кишке теплотрассы можно было попасть в коллектор рядом со зданием, на пустыре, заросшем кустарником и высокой травой. Ну а там уж дело техники. До ближайших развалов на окраине города — метров двести. А дальше ищи ветра в поле...

Верхние квартиры отмыли, обеззаразили, укрепили, утеплили, поставили печку-буржуйку, развели по комнатам дымоход и вывели наружу,